

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МРАМОРНЫЕ БЛЮДА
В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

С IV в. в христианском культе получают распространение большие мраморные блюда различной формы: круглые, квадратные, сигмаобразные¹. Их отличительными особенностями являются: гладкое углубленное центральное поле и выступающий над ним на несколько сантиметров бортик, украшенный рельефными изображениями и имеющий бусинное обрамление края. Назначение таких предметов различно. Они могли служить покрытием алтаря, местом для помещения подношений, приносимых верующими в храм, могли служить покрытием могил христианских мучеников и использоваться при агапах. Назначение каждого отдельно взятого блюда определяется в зависимости от его размеров и формы, места находки и характера представленных на нем изображений². Последние бывают двух видов³: 1. охота и звериный гон, нередко сочетающиеся со сценами из античной мифологии; 2. сцены, взятые из Священного писания.

Исходя из мест находок памятников, можно заключить, что блюда первого вида были распространены преимущественно на Балканах и в Египте⁴, а второго — в Сирии и Малой Азии⁵.

Еще в период эллинизма близкие по форме блюда получили распространение в культе мертвых, где они использовались для погребальных трапез; они также нередко служили покрытием алтаря (жертвенника)⁶. Использование этих сосудов в культовых церемониях для хранения воды, хотя и предполагалось рядом исследователей⁷, маловероятно ввиду их небольшой глубины. Наиболее вероятным представляется предположение, что христиане усвоили и использовали для своих целей тип блюд, служивших покрытием жертвенника.

¹ Свод известных в настоящее время памятников такого рода дан в работе Э. Китцингера: *E. Kitzinger. A marble Relief of the theodosian Period.* — «Dumbarton Oaks Papers», vol. 14, 1960, p. 19—42. К этому списку может быть добавлен ряд последующих публикаций: *A. В. Банк.* Труды по византийскому искусству в «Dumbarton Oaks Papers». — ВВ, т. XXII, 1963, стр. 261. *E. Eszlary.* On the development of early christian Iconography. — «Acta Historiae Artium», t. VIII, fasc. 3—4. Budapest, p. 215—240; *R. Giveon.* Alexandrine decorated Basin-Rims from Israel. — «Israel Exploration Journal», vol. 14, № 4. Jerusalem, 1964, p. 232—235; *М. Чичикова.* Mensa sacra om Nicopolis ad Nestum. — «Известия на археологический институт», т. XXIII, София, 1972, стр. 245—258; *G. Roux.* Tables chrétiennes en marbre, découvertes à Salamea, Salamine de Chypre, vol. 4. Paris, 1973, p. 133—196; *idem.* Une table chrétienne de Delphes. — ВСН, vol. XCVII, 1973, p. 137—144.

² *E. Kitzinger.* Op. cit., p. 25—32.

³ *E. Michon.* Rebords de bassins chrétiens ornés de reliefs. — «Revue biblique», t. XII, 1915, p. 485—540; t. XIII, 1916, p. 121—170.

⁴ *E. Michon.* Op. cit., t. XII, p. 509—523; t. XIII, p. 130—140.

⁵ *E. Michon.* Op. cit., t. XII, p. 524—540; t. XIII, p. 121—130.

⁶ *W. Deonna.* Mobilier délien. Tables antiques d'offrandes avec écuelles et table d'autel chrétien. — «Bulletin de correspondance hellénique», vol. 58, 1934, p. 1—90.

⁷ *E. Michon.* Op. cit., t. XIII, p. 162—170; *G. W. Elderkin.* — «Antioch-on-the Orontes», I. The Escavations of 1932; Princeton—London, 1934, p. 51.

Что касается времени изготовления и использования подобных предметов, то господствует датировка III—IV вв.⁸, хотя некоторые исследователи склонны допускать и более позднюю дату⁹.

В собрании Эрмитажа имеются фрагменты трех мраморных сосудов (инв. № x239—x240; □11106; ω 818 а—г), которые по конструктивным особенностям (характеру перехода рельефного бортика с бусинным краем к гладкому полю) можно признать частями интересующих нас предметов.

Два фрагмента (x239 и x240, рис. 1, 2) происходят из Херсонеса¹⁰. На одном из них (рис. 1) изображена в довольно высоком рельефе голова юноши, представленная в профиль и повернутая влево. Сохранилась только нижняя часть лица: нос, рот, подбородок, часть щеки и шеи. Характерный бортик, состоящий из чередующихся бусин и ов, позволяет считать данный фрагмент частью блюда. Ширина орнаментированного края может быть равна приблизительно 10 см при диаметре блюда в 110 см.

На втором херсонесском фрагменте (рис. 2) представлены двое животных, повернувшихся головами друг к другу. Сохранилась только часть бортика с рельефными головами и часть плоской поверхности блюда. Голова слева могла принадлежать лошади или ослу, голова справа — вероятнее всего, грифону. Ширина орнаментированного края может быть равна приблизительно 10 см при диаметре блюда в 110 см.

Находка обоих фрагментов в одном месте и в одно время, сходство материала и характера его обработки позволяют считать их частями одного и того же предмета¹¹. Оба фрагмента были обнаружены не в самой церкви, а с ее наружной стороны, где помещалась пристроенная часовня¹². Исходя из условий находки, совпадающих с условиями обнаружения ряда сходных памятников (находки в Сбейтле и в Тебессе), можно заключить, что и херсонесские фрагменты были не частями покрытия главного алтаря, а, вероятнее всего, частями блюда для помещения приносимых в церковь даров.

Описанный выше декор бортика блюда восходит к эллинистической традиции украшения краев сосудов, чаще всего металлических, звериным гоним, разделенным помещенными в профиль головами. Последние происходят от масок. Весьма характерны в этом отношении образцы античной торевтики II—III вв.¹³ Однако некоторые стилистические особенности херсонесских фрагментов, обнаруживающие утрату пластичности прежних изображений, а главное — использование данных предметов в христианском контексте указывают на более позднюю дату. Датировку херсонесского блюда IV—началом V в. подтверждают аналогичные как сюжетно, так и стилистически типы голов и животные на предметах, несомненно, относящихся к тому же времени. Весьма убедительны в этом отношении такие вещи, как сосуды, найденные в Карфагене,¹⁴ фрагмент серебряного сосуда из Трепрейна,¹⁵ сосуд из Венского музея,¹⁶ имеющие характерные для IV—V вв.¹⁷ бусинные края. Рит-

⁸ A. Συγγρόπουλος. Πλάξ τραπεζῆς χριστιανικῆ. 'Αρχαιολογικῆ 'Εφημερίς, τ. 1—2. 'Αθήναι, 1914, σελ. 78; G. A. S. Snyder. The so-called Puteal in the Capitoline Museum at Rome. — «Journal of Roman Studies», t. XIII, 1923, p. 60—65; G. W. Elderkin. Op. cit., p. 50—51; H. Ingholt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie (1932—1938). Copenhagen, 1940, p. 138.

⁹ E. Thomas. Bruchstück einer frühchristlichen Marmortischplatte mit Reliefverzierung aus Csopak. — «Acta Antiqua», t. III, fasc. 1—2. Budapest, 1955, S. 274.

¹⁰ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 38, рис. 60—а, размеры: выс. 7,2 см, ширина 6,6 см; рис. 60-б, размеры: высота 9,7 см, ширина 8,4 см.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 28—37.

¹³ D. E. Strong. Greek and Roman gold and silver Plate. London, 1966, p. 162—165, 171, 176, Pl. 47-A, 49, 51-B.

¹⁴ O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities. London, 1901, p. 79, № 356.

¹⁵ A. Curle. The Treasure of Traprain. Glasgow, 1923, p. 45—46, Pl. XXIII, 38.

¹⁶ D. E. Strong. Op. cit., p. 202—203.

¹⁷ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 23—25.

мичное построение звериного гона (с помощью профильных голов) характерно для второй половины IV в.¹⁸, причем, хотя позднее этот сюжет также весьма распространен, профильные разделительные головы не встречаются. По сюжетным и стилистическим признакам рассматриваемое блюдо примыкает к обширному, но достаточно четко определимому кругу памятников, найденных в основном на Балканах и отчасти в Египте¹⁹. Эти аналогии не только подтверждают предложенную выше дату, но и допускают отнесение херсонесских фрагментов к тому же кругу памятников.

Другой тип мраморного блюда представлен фрагментом, доставленным экспедицией В. Г. Бока из Египта (□ 11106, рис. 3). На сохранившейся части видны две фигуры под арками. Иконографические признаки позволяют признать в правой фигуре, держащей в одной руке пращу, а в другой посох, Давида, собирающегося поразить Голиафа, а в левой, стоящей фронтально и задрапированной в плащ, — Саула²⁰. Изображение последнего обычно предшествует сцене поединка Давида с Голиафом²¹. Данный сюжет встречается неоднократно как на интересующих нас блюдах²², так и на мраморных рельефах²³. Ближайшей иконографической аналогией нашему памятнику является фрагмент блюда²⁴ из археологического музея в Стамбуле: сходны — поза Давида, поворот головы, положение руки с занесенной пращой. По стилистическим особенностям: объемная моделировка всех фигур, ясно переданное движение в фигуре идущего с пращой Давида, четкое деление края блюда аркадами, с вписанными в них сценами, эрмитажный памятник близок известному блюду из Салоны, датируемому по археологическим признакам IV в.²⁵ Сопоставление с названными выше памятниками позволяет отнести наш фрагмент к тому же времени. Блюда с изображениями ветхозаветных сцен, и в частности сцен из жизни Давида, принято считать малоазийскими²⁶. Поскольку наш фрагмент происходит из Египта, где производство подобных предметов, но с другим типом изображений практиковалось достаточно широко²⁷, вероятнее всего предположить, что эрмитажный памятник был сделан в Египте, но с подбором сцен, чаще всего встречающихся на малоазийских памятниках. Структурные особенности этого фрагмента, сопоставленные с аналогичными памятниками (прежде всего с блюдом из Салоны), указывают на сигмаобразную форму блюда, к которому он принадлежал. Это блюдо должно было использоваться в качестве намогильного покрытия. Последнее подтверждается коптской надписью погребального характера²⁸, которая занимает

¹⁸ *H. Buschhausen*. Frühchristliches Silberreliquiar aus Isaurien. — «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. XI—XII. Graz—Köln, 1962—1963, S. 159.

¹⁹ *E. Michon*. Op. cit., t. XII, p. 513—523; t. XIII, p. 132—138; *A. Συγγρόπουλος*. Op. cit., σελ. 70—81, εικ. 1—10; 12—13; *М. Чичикова*. Указ. соч., стр. 245—258, рис. 2—3, 5—6, 9.

²⁰ Ср. изображение Саула на серебряных блюдах со сценами из жизни Давида, найденных на Кипре: *E. Cruikshank Dodd*. Byzantine silver Stamps. Washington, 1961, Pl. 59—61.

²¹ *L. Réau*. Iconographie de l'art chrétien, t. II, 1. Paris, 1956, p. 260—261.

²² *E. Michon*. Op. cit., t. XII, p. 508; t. XIII, p. 128—130, 144—145.

²³ *K. Weitzmann*. The Iconography of the reliefs from the Martyrion. — «Antioch-on-the-Orontes, III. The Excavations of 1937—1939». Princeton, 1941, p. 136.

²⁴ *J. Ebersolt*. Sculptures chrétiennes inédites du musée de Constantinople. — «Revue archéologique», t. XXI (sér. 4), janvier—juin. Paris, 1913, p. 339.

²⁵ *E. Michon*. Op. cit., t. XII, p. 509—513, fig. 6.

²⁶ *E. Eszlary*. Op. cit., p. 232; *J. Ebersolt*. Op. cit., p. 339; *L. Gastiglione*. A recently published Forgery. — «Acta Archaeologiae Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XXIII, fasc. 1—4. Budapest, 1971, p. 237.

²⁷ *G. A. S. Snyder*. Op. cit., p. 65.

²⁸ *Б. А. Тураев*. Коптские тексты, приобретенные экспедицией В. Г. Бока в Египте. — «Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г.», т. II. М., 1902, стр. 243, табл. XXIII, 5.

центральное поле. Эта надпись, напоминающая и даже в отдельных строках совпадающая с надписью на надгробной стеле 786 г. из Каирского музея, датируется VIII в.²⁹

Таким образом, данное блюдо, как было характерно для аналогичных памятников, происходящих из коптского Египта, в разное время использовалось по-разному: первоначальное покрытие могилы, предназначенное для погребальной трапезы, сменив горизонтальное положение на вертикальное, было вторично использовано в качестве надгробной стелы³⁰.

В Малой Азии (в Самсуне) в 1904 г. были приобретены четыре фрагмента блюда (инв. № ш 818 а—г, рис. 4, 5, 6, 7)³¹. В первичном описании на нем значатся следующие сцены: «Грехопадение Адама и Евы» (см. рис. 4), «Жертвоприношение Каина и Авеля» (рис. 6), «Даниил во рту львином» (рис. 5), «Соглядатаи Моисея» (рис. 7). С иконографической точки зрения три первые перечисленные сцены аналогичны встречающимся на раннехристианских саркофагах и в росписях катакомб. Так, на первом фрагменте изображения Адама и Евы, стоящих по сторонам дерева, вокруг которого обвился змей, аналогичны таким же изображениям в раннехристианской живописи и скульптуре³². В стоящей на некотором расстоянии от Евы бородатой фигуре с серпом в поднятой правой руке и посохом (или пучком колосьев?) в левой следует признать, согласно принятой иконографии, Каина³³. Изображение последнего становится понятным при сопоставлении с вторым фрагментом, на котором представлены: рука вверх (десницы божья) и направляющийся к ней Абель с агнцом. Рядом с ним стоит с поднятым серпом Каин, взгляд которого и поворот фигуры направлены в противоположную от руки сторону, к дереву, под которым (сейчас сохранилась только верхняя часть кроны), согласно первоначальному описанию, лежал убитый Абель. Смысловой анализ представленных персонажей позволяет утверждать, что здесь мы имеем изображение двух различных моментов из истории Каина и Авеля, данных в последовательном развитии: во-первых, жертвоприношение Каина и Авеля (Каин с отвергнутой жертвой находится на первом фрагменте, а рука бога, принимающая жертву Авеля, — на втором); во-вторых, убийство Авеля. Иконография обеих сцен соответствует принятой в раннехристианском искусстве³⁴. На третьем фрагменте видна часть стоящей фигуры (ноги и часть туники) и лапы и морда рычащего льва. В этом изображении можно видеть известную композицию «Даниил во рту львином», также соответствующую обычному иконографическому типу.

На четвертом фрагменте представлена сцена «Соглядатаи Моисея». Три фигуры соглядатаев, очевидно, являются лишь частью большой композиции, которая состояла обычно из пары, шествовавшей впереди и несшей на шесте гроздь винограда, и десяти остальных посланцев, несших на руках гранаты и смоквы. При известном иконографическом сходстве (позы, одежды, головные уборы, типы лиц) с изображением волхвов, дары, которые несут три персонажа на рассматриваемом фрагменте, одинаковы у всех троих и настолько специфичны, что не позволяют спутать их с подношениями волхвов. Последние всегда несут

²⁹ Б. А. Тураев. Неизданный поэтический памятник коптской эпиграфики. — ЗВОРАО, X, 1897, стр. 79—82.

³⁰ E. Kitzinger. Op. cit., p. 27.

³¹ ИРАИК, т. XIII, 1908, стр. 317 (размеры: общая длина — 92 см, наибольшая ширина — 28 см, диаметр — 110 см).

³² A. Grabar. La premier art chrétien. Paris, 1966, p. 26, fig. 23; p. 246, fig. 273, p. 262, fig. 291; F. W. Deichmann. Repertorium der christlich-antiken Sarkophage, Bd. II. Wiesbaden, 1967, № 6, 515.

³³ L. Réau. Op. cit., p. 94—95.

³⁴ A. Grabar. Op. cit., p. 39, fig. 37.

разные дары³⁵ и никогда не держат их на вытянутых руках так, как в нашем случае. Таким образом, определение сюжета, данное в первичном описании памятника, вполне соответствует действительности. Следует лишь отметить, что, хотя этот сюжет был достаточно распространен в IV—VI вв., примером чего являются частые его изображения на глиняных светильниках и стеклянных донышках сосудов³⁶, это были, как правило, изображения только двух первых посланцев с гроздьем винограда. Композиция в расширенной редакции встречалась в то время гораздо реже, и сейчас судить об ее иконографии приходится исключительно по миниатюрам средневизантийского периода³⁷. Лучшее изображение имеется в серальском Октавехе³⁸. Таким образом, наш фрагмент примечателен тем, что он дает одно из ранних изображений этой ветхозаветной сцены. В этом отношении он может быть сопоставлен с фрагментом блюда из Музея изящных искусств в Будапеште, где также представлена ветхозаветная сцена «Покаяние Давида», не дошедшая до нас на памятниках IV—VII вв. и известная только по миниатюрам X—XII вв.³⁹

Как уже было отмечено, рассматриваемый памятник своей сюжетной стороной тяготеет к малоазийско-сирийскому кругу. Это же следует сказать как о его стиле в целом, так и о трактовке представленных персонажей и отдельных деталях композиции. Следует указать на особую трактовку волос диагонально направленными неглубоко врезанными в поверхность камня линиями и на подчеркнутые, сильно высверленные, зрачки глаз, что характерно для изображений на малоазийских и некоторых сирийских рельефах⁴⁰. Не менее характерен и прием передачи кроны деревьев отдельными, слабо расчлененными пучками листьев, как на рельефе из Лаодикии⁴¹. Перечисленные стилистические особенности, а также тот факт, что данные мраморные фрагменты происходят из Самсуна, позволяют отнести их к местным, малоазийским изделиям. Перечисленные аналогии датируются IV—V вв. Подбор сцен с преобладанием ветхозаветной тематики характерен для того же времени, что позволяет считать наиболее вероятной датой исполнения блюда из Самсуна IV—начало V в. Поскольку предмет был куплен, судить о его конкретном назначении не представляется возможным.

Таким образом, рассмотрение имеющихся в Эрмитаже византийских мраморных сосудов дает возможность проследить наличие двух традиций — эллинистической и восточной — в украшении этого рода памятников.

³⁵ G. Wilpert. I sarcofagi cristiani antichi, vol. III, supplemento. Roma, 1936, tav. CCLXXXIV, 4; CCLXXXIX, 1; CCXC, CCLXXXVIII, 2.

³⁶ M. Bauer. Der Bilderschmick frühchristlicher Tonlampen. Greifswald. 1907, S. 38—48.

³⁷ K. Weitzmann. Die Illustration der Septuaginta. Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst, Bd. III/IV. München, 1952/53, S. 102—103.

³⁸ Ф. И. Успенский. Константинопольский серальский кодекс восьмикнижья. Альбом. — ИРАИК, т. XII, 1907, табл. XXVII.

³⁹ E. Eszlary. Op. cit., p. 220—235.

⁴⁰ R. Stillwell. Catalogue of Sculpture. — «Antioch-on-the Orontes, III. The Excavations of 1937—1939», N 368, 374, 390, 451; E. Eszlary. Op. cit., fig. 1—3.

⁴¹ E. Michon. Op. cit., t. XII, Pl. III.